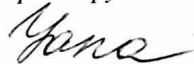

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Архипова Марьяна Николаевна

**Соционормативные практики
в севернорусской деревне: опыт
этнологического исследования**

Специальность: 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре этнологии исторического факультета ФГБОУ ВО «Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова»

- Научный руководитель** - **Туторский Андрей Владимирович**
кандидат исторических наук
- Официальные оппоненты** - **Савоскул Сергей Сергеевич**
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт этнологии и антропологии Российской академии наук»
- Шевцова Анна Александровна**
доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Институт социально-гуманитарного образования, кафедра культурологии, профессор
- Новожилов Алексей Геннадьевич**
кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра этнографии и антропологии, заведующий

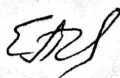
Защита диссертации состоится «29» октября 2018 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.03 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корп. 4, исторический факультет МГУ, Ауд. А-416.

E-mail: faculty@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/144138893/>

Автореферат разослан «25» сентября 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.А. Попова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Настоящая диссертация посвящена анализу соционормативных практик сельского населения Русского Севера в XX – начале XXI в. Современная отечественная историография в целом либо исследует традиционные практики прошлого в отрыве от современности, либо, напротив – исключительно культуру наших дней, без связи с прошлым. В зарубежной историографии заметен интерес к изучению позднесоветского общества. Задача настоящей диссертации – описать современную культуру во взаимосвязи с практиками и нормами, характерными для деревни в различные периоды. Исследование вписано как в российский, так и в зарубежный общенаучный дискурс. Его актуальность обусловлена тем, что при стабильном интересе исследователей к социальным нормам поведения до сих пор нет комплексного исследования, посвященного трансформации соционормативных практик с XIX в. до современности.

Под соционорматикой в работе понимается система практик, которые одобряются в обществе. Эти практики обладают четырьмя особенностями. Во-первых, социальные нормы поведения связаны с каждой конкретной группой людей, которые их придерживаются. Существуют деревенские нормы, региональные нормы, общерусские и общероссийские нормы поведения. Как показано в данном исследовании, возможно и существование нормативов, связанных с более дробными группами деревенского социума – деревенской интеллигенцией и работниками совхоза. Во-вторых, соционорматика пронизывает буквально все аспекты жизни доиндустриальных обществ. Большинство авторов включает в соционорматику только обычное право и этноэтикет, нормативы, организующие хозяйственную деятельность крестьян, нормы воспитания детей. В своём исследовании я расширила охват сферы соционорматики и включила в нее нормы, связанные с использованием примет различными группами деревенского населения. В-третьих, соционорматика не является чем-то застывшим и неизменным. Социально одобряемые

нормы поведения меняются. Вместе с тем нормативы представляют собой единую систему, изменение одной части которой не всегда ведет к разрушению ее целиком. В-четвертых, соционорматика является искусством выбора. Это не довлеющие над человеком, ограничивающие его нормативы, но набор возможностей, из которых он может в разных обстоятельствах выбирать различные варианты поведения.

Исследование выполнено на стыке социальной антропологии, этнографии и истории. Данью антропологической научной традиции стала сфокусированность на современности. Изучение прошлого с помощью опросов информантов – характерная черта многих классических этнографических исследований. Для реконструкции дореволюционной культуры и практик в работе использовались опубликованные и архивные материалы.

В работе были выбраны три аспекта социальных практик - экономика, социальные отношения и культура. Это позволило посмотреть на соционормативные практики структурно как на единое целое. В рамках экономики были исследованы небольшие трудовые коллективы и их взаимодействие с государством. В рамках социального аспекта – нормы отношения к чужакам и более широко – соционормативная часть представлений о чужаках. В рамках духовной культуры были исследованы нормативные практики, связанные с бытованием и воспроизводством примет в деревенской среде.

Научная новизна исследования заключается, во-первых, во введении в научный оборот новых этнографических данных о современной сельской жизни, собранных автором во время многолетней полевой работы. Многие из информантов – люди пожилого возраста, свидетели советской эпохи. Во-вторых, анализ современности позволяет увидеть ошибки в фиксации и анализе традиционной культуры начала XX в. В-третьих, в данном исследовании фактически впервые была прослежена трансформация соционормативных практик на протяжении трёх исторических периодов.

Объект и предмет исследования. Объект исследования – соционормативные практики севернорусского сельского населения. Предмет исследова-

ния – изменения и механизмы изменения социальных норм поведения, происходившие на протяжении почти полутора веков.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. до современности. Такой выбор обусловлен состоянием источниковой базы. Условно можно выделить три периода. Первый – дореволюционный, граница 1917 г. условна, поскольку изменения в социальной, экономической и культурной сферах происходили постепенно. Советский период в работе включает в себя исследование колхозной и совхозной деревни. Третий период – современный – условно начинается в 1991 г. Как показала экспедиционная работа, население почувствовало на себе все социально-экономические изменения несколько позже.

Географический регион исследования – Архангельская и Вологодская области, часто объединяемые понятием Русский Север. Этот регион всегда был важен для этнографов, занимающихся русским крестьянством. Наиболее детальное и длительное полевое исследование было проведено в Лешуконском районе Архангельской области. Особое географическое положение Русского Севера во многом повлияло на хозяйственно-экономический уклад региона, определило его культурные и социальные особенности, что послужило причиной выбора данного региона для изучения. Кроме того, в качестве сравнительного материала в диссертации были использованы полевые материалы из других регионов России – центральных и южных областей и краев.

Методологические основы исследования включают три уровня научных методов: общенаучные, конкретно-научные и узкоспециальные. Общенаучными принципами являются принцип научной объективности и системности. Конкретно-научный метод – метод историзма. При этом, сохраняя принцип историзма в работе, я отказалась от хронологического изложения материала для того, чтобы избежать механического переноса фактов и соционормативных практик из прошлого в следующий хронологический период. Движение от современности к прошлому оказалось успешным эпистемо-

логическим приемом. Он позволил увидеть системную схожесть некоторых практик, а не простую их преемственность. Так я максимально исключила возможность неосознанных попыток поиска «пережитков» или «устойчивых традиций».

Основным узкоспециальным антропологическим методом исследования стал метод «case studies»: основной объем полевого материала был собран в Лешуконском районе Архангельской области. Работая по принципу глубинных интервью, на протяжении десяти лет я возвращалась в одни и те же деревни. Это позволило зафиксировать деревню в определённом временном отрезке и проследить изменения в социальных нормах поведения.

Цель работы – на примере трёх аспектов соционорматики проследить, как она менялась на фоне социально-политического развития страны и сделать выводы о том, что в ней изменилось, а какие элементы остались стабильными. Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи исследования**:

1. фиксация и анализ современных соционормативных практик;
2. сравнение современных социальных норм с советскими;
3. сопоставление и критика подходов в изучении соционорматики, которые были распространены в классической отечественной этнографии;
4. выделение некоторых аспектов динамики соционормативных практик на основании сравнений в течение исследуемого периода.

Понятийный аппарат. В работе используется термин «**традиционный**». Термин «**традиция**» в современной этнологической и исторической науках часто подвергается критике. В частности, трудно провести границы между традиционным и современным, не ясно, какой критерий надо взять за основу. В советской историографии долгое время использовался термин «**традиционное общество**», который также вызывает много вопросов. До сих пор этот термин можно встретить в научной литературе по отношению к

обществам, которые оказались на периферии современного, меняющегося мира и фактически не включены в процесс глобализации. В диссертации прилагательное «традиционный» используется по отношению к практикам, обычаям и культурным явлениям, которые противопоставлены явлениям, связанным с советской модернизацией. Я не вкладывала в понятие «традиционный» качественного содержания: не противопоставляла сущностно дореволюционную культуру и поведенческие практики советским и современным. Напротив, я старалась демонстрировать преемственность и внутреннюю взаимосвязь. Термин «традиционный» используется в хронологическом смысле, обозначая период до 1917 г., а не для характеристики базовых свойств культуры.

Категория **повседневности** является предметом целого комплекса научных дисциплин. Повседневное – это упорядоченное, близкое, известное подавляющему большинству повторяющееся действие или явление. По определению философа Б. Вандельфельса, «повседневное – это то, что происходит каждый день, что прорывается сквозь “упорядоченную суматоху” праздников»¹. Повседневная культура включает в себя те нормы и традиции, которые становятся само собой разумеющимися в социуме. В это понятие, например, входят и особые нормы поведения, малые штрихи и особенности которых могут быть незаметны новому в коллективе человеку. Но именно они зачастую становятся связующим звеном между людьми.

Термин «**примета**» является дискуссионным в современной отечественной науке. На сегодняшний день ни в этнографической науке, ни в фольклористике не существует общепринятого определения приметы, которое бы безоговорочно принималось всеми исследователями. В диссертации в качестве рабочего было использовано определение, данное О. Б. Христофоровой: примета – это «клишированное изречение с доминантной прогностической функцией»². Это определение можно преобразовать в два тезиса. Во-первых,

¹Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности / Социо-Логос. М., 1991. С. 40.

²Христофорова О. Б. К вопросу о структуре приметы // www.ruthenia.ru. Дата обращения 10.09.2017.

примета – это высказывание, не подверженное изменениям, относительно статичное. Во-вторых, суть этого высказывания – предсказание будущего. То есть примета – это своеобразное истолкование конкретной ситуации, некий знак, который может изменить поведение человека в ней.

Степень изученности проблемы. На сегодняшний день заявленная в диссертации проблема не служила темой специального комплексного исследования ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Стоит выделить некоторые общетеоретические исследования и работы по конкретным научным проблемам.

Первая группа – *общетеоретические работы*. Я опиралась на теоретические идеи многих современных западных антропологов: идеи условности традиций и современности Э. Хобсбаума³ и Б. Латура⁴, концепцию «дивидуума» М. Стратерн⁵, концепцию этнографии как «онтографии» и идею важности мировоззрения «изучаемого» самого по себе Э. Вивейруша де Кастру⁶, концепцию социальных структур как основы коллектива Б. Малиновского⁷ и А. Р. Редклифф-Брауна⁸, концепцию социальной границы Ф. Барта⁹, концепцию «длительных периодов» Ф. Броделя¹⁰.

Непосредственно с проблематикой диссертации связана так называемая теория транзита. В последние годы в западной антропологической литературе была сформулирована теория транзита, пост-транзита, пост-пост-транзита как дальнейшие варианты данной теории. Об этом, в частности, написаны статьи К. Вэрдери «Теоретизируя социализм: пролог к “транзиту”»¹¹, М. Ве-

³Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. М. 2000. № 1. С. 47-62.

⁴Latour B. We have never been modern. Harvard University Press, 1991.

⁵Strathern M. The gender of the gift: problems with women and problems with society in Melanesia. University of California Press, 1988.

⁶Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М., 2017.

⁷Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004.

⁸Редклифф-Браун А Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001.

⁹Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пилыщикова. М., 2006.

¹⁰Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.

¹¹Verdery K. Theorizing socialism: a Prologue to the “Tranzition” // American Ethnologist. Vol. 18. No. 3. 1991. Pp. 419-439.

ликони «Потерявшиеся на переходе: ностальгия по социализму в постсоциалистических странах»¹².

Одна из последовательных критиков транзита и перехода от советской культуры к последующей несветской, американская исследовательница монгольского происхождения М. Буяндельгерин в статье «Теории пост-пост-транзита: по многочисленным путям»¹³ сформулировала понятие пост-пост-транзит, которое саркастически подчёркивает бессмысленность понятия пост-транзитной культуры. С похожей формулировкой писал ещё в 1967 г. советский этнограф В. В. Пименов. В статье «О некоторых закономерностях в развитии народной культуры»¹⁴ он выдвинул теорию «мелких культурных скачков», подчёркивая, что граница 1917 г. важна, но изменения в культуре народов происходили не настолько резко. Условности 1917 г. как рубежа посвящена статья «От коллективного хозяйства к исламскому музею? Деконструируя устные традиции горцев в Дагестане»¹⁵ В. Бобровникова.

Важным явлением для социальных антропологов, занимающихся русскими в социалистическую и постсоциалистическую эпохи, стала работа А. В. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение»¹⁶, опубликованная изначально на английском языке. Работа А. Юрчака опровергает широко распространённое в западной литературе представление о внутреннем единстве и гомогенности всего советского периода. Ещё одной работой, посвящённой проблеме соотношения социализма, постсоциализма и пост-постсоциализма, стала статья немецкого антрополога Й. О. Хабека «Дзержинка: социалистическая наружность и эстетические уст-

¹²Velikonja M. Lost in Transition Nostalgia for Socialism in Post-Socialist Countries //East European: Politics and Societies. Vol. 23. No. 4. 2009. Pp. 535-551.

¹³Buyandelgeriyn M. Post-Post-Transition Theories: Walking on Multiple Paths / Annual Review of Anthropology. 2008. Pp. 235-250.

¹⁴Пименов В. В. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры // Советская этнографии. 1967. № 2. С. 3-14.

¹⁵Bobrovnikov V. From Collective Farm to Islamic Museum? /Exploring the Edge of Empire. Soviet Era Anthropology in the Caucasus and Central Asia. by Ed. F. Mühlfried and S. Sokolovskiy. Berlin, 2011.Pp. 99-117.

¹⁶Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: Последнее советское поколение. М., 2016.

ремления в городском районе Новосибирска»¹⁷, в которой на примере городских жителей исследуется проблема социалистического наследия.

В русскоязычных исследованиях проблема трансформации культуры была связана с сохранением, изменением, а также возникновением новых традиций. О преемственности традиционных моделей в XIX-XX-XXI вв. писали Е. И. Ларина, О. Б. Наумова¹⁸, Л. С. Гуцан, А.И. Магомедова, З. У. Махмудова¹⁹. Санкт-петербургские исследователи А. Г. Новожилов²⁰ и И. И. Верняев²¹ на деревенском материале подтверждают тот же важный рубеж в изменениях социальной жизни, что и А. Юрчак.

Проблеме условности понятия традиционной культуры в современной России посвящены статьи Д. А. Функа «Современные “традиционные” культуры народов Севера»²² и «Очерк современного состояния эпической традиции у шорцев (частные материалы и общетеоретические проблемы)»²³, И. А. Морозова «Локальные традиции и меняющиеся идентичности»²⁴, И. С. Слепцовой «Индивидуально-личностные факторы формирования и трансформации локальных культур и традиций»²⁵ и А. В. Черных «Русские “острова” в русском окружении: модели локальных традиций Пермского

¹⁷Хабек Й. О. Дзержинка: социалистическая наружность и эстетические устремления в городском районе Новосибирска // ЭО. 2014. № 3. С. 24-34.

¹⁸Ларина Е. И., Наумова О. Б. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 83-97; Ларина Е. И., Наумова О. Б. "Кража - это вечный наш обычай: умыкание невест у российских казахов // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 3-20; Ларина Е. И., Наумова О. Б. Сквозь модернизацию: традиции в современной жизни российских казахов. М.; СПб, 2016.

¹⁹Махмудова З. У. Серебро и золото в женских ювелирных украшениях на Кавказе во второй половине XX века: проблема социокультурного замещения // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 100-115; Гуцан Л. С., Магомедова А. И., Махмудова З. У. Имперские символы в декоративно-прикладном искусстве Кавказа // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2016. № 4. С. 227-249.

²⁰Новожилов А. Г. Динамика исчезновения объектов традиционной материальной культуры в XX в. по материалам Пыталовского района Псковской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. СПб., 2006. Вып. 4. С. 289-302; Новожилов А. Г. Этнографическое изучение колхозного крестьянства в 1930-1950-х годах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2012. Вып. 2. С. 90-101.

²¹Верняев И. И. Крестьянский двор Псковской губернии во второй половине XIX – начале XX века: традиции и изменения // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга / Под ред. А.С. Мыльникова, М.Б. Щукина. СПб., 2002. С. 87-96.

²²Функ Д. А. Современные «традиционные» культуры народов Севера // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 3-5.

²³Функ Д. А. Очерк современного состояния эпической традиции у шорцев (частные материалы и общетеоретические проблемы) // Там же. С. 91-108.

²⁴Морозов И. А. Локальные традиции и меняющиеся идентичности // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 5-14.

²⁵Слепцова И. С. Индивидуально-личностные факторы формирования и трансформации локальных культур и традиций // Там же. С.26-36.

Прикамья»²⁶. Проблема возрождения традиций рассматривалась в статьях А. К. Байбурина «Статус реконструкции в фольклорно-этнографических исследованиях»²⁷ и А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона «О соотношении фольклорных и этнографических фактов»²⁸. В них авторы показали, что зачастую возрожденная традиция отличается от той, которую изначально хотели возродить.

Изучению повседневности посвящена статья немецкого философа Б. Вальденфельса «Повседневность как плавильный тигль рациональности». Статья написана в значительной степени в феноменологической традиции философии. Автор зачастую играет со значением слова «повседневность», использует многозначительность этого понятия. Этой же теме посвящены монография М. Н. Губогло «Антропология повседневности»²⁹ и статья Т. В. Цивьян «Мифологическое программирование повседневной жизни»³⁰, в которой на примере разных народов прослеживаются особенности выделения праздничных традиций и повседневных норм поведения как особого феномена жизни человека.

Региональные исследования русской культуры. В эту группу вошли работы по конкретным историко-этнологическим проблемам и исследования, посвящённые русскому крестьянству.

Как таковое исследование русского крестьянства началось лишь после отмены крепостного права в 1861 г. Чаще всего исследователи обращались к изучению правовых обычаев крестьян. Среди таких исследований – «Русское гражданское право» Д. И. Мейера, «Правосудие в русском крестьянском быту» В. В. Тенишева, «Право и личность крестьянина» Н. П. Дружинина, «О

²⁶Черных А. В. Русские «острова» в русском окружении: модели локальных традиций Пермского Прикамья // Там же. С.48-59.

²⁷Байбурин А. К. Статус реконструкции в фольклорно-этнографических исследованиях // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск, 2004. С. 11-40.

²⁸Байбурин А. К., Левинтон Г. А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // Acta Ethnographica. Tomus XXXII. Budapest, 1983. С. 3-31.

²⁹Губогло М. Н. Антропология повседневности. М., 2013.

³⁰Цивьян Т. В. Мифологическое программирование повседневной жизни / Этнические стереотипы поведения С. 154-178.

семейных делах по смерти отца в Козловской волости Сарапульского уезда Вятской губернии» В. П. Тихонова³¹.

Со второй половины XIX века заметен рост интереса к изучению быта, культуры и обычаев русского народа не только среди специалистов, но и в образованных кругах общества в целом. Настоящим событием стала публикация материалов, собранных по анкете Н. И. Надеждина, в «Этнографических сборниках, издаваемых Императорским Русским географическим обществом»³² 1853-1864 гг. Отдельно стоит упомянуть сборник Д. К. Зеленина «Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917-1934»³³. В нём автор подробно исследует исторические предпосылки многих традиционных обычаев.

Одной из ключевых проблем советской историографии была проблема природы и особенностей существования традиционной крестьянской общины, которая во многом функционирует как раз за счёт соблюдения социальных норм. В первые годы советской власти почти через все исследования красной нитью прошла идея искоренения традиционной крестьянской общины и создания вместо неё экономических и социальных объединений нового типа (коопераций, артелей, сельскохозяйственных коммун и колхозов). В таком духе написана работа А. Чаянова «Организация современного крестьянского хозяйства»³⁴.

Поздние исследования уже более тонко проводили ту же самую идею. Авторы подчёркивали, что крестьянская община изначально была отделена от общегосударственной дореволюционной экономики; существуя всегда в политическом и экономическом вакууме, крестьяне традиционно придерживались общинной формы труда и внутренней организации в целом. Об этом,

³¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей. Под ред. А. Вицина. С.-П., 1910; Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907; Дружинин Н. П. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912.; Тихонов В. П. О семейных делах по смерти отца в Козловской волости, Сарапульского уезда, Вятской губернии / Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (Обычное право, обряды, верования и прочее). Вып. III. М., 1891. С. 26-50.

³² Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. Вып. I-VI. Спб., 1853-1864.

³³ Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917-1934. М., 1999.

³⁴ Чаянов А. Организация современного крестьянского хозяйства. Ярославль, 1918.

в частности, писала советская исследовательница Н. Н. Тихоницкая в статье «Сельскохозяйственная толока у русских»³⁵. На страницах журнала «Советская этнография» в начале 1980-х гг. развернулась дискуссия³⁶, в которой приняли участие видные этнографы своего времени. В ней ещё раз было поддержано то же «общинно-автономистское» понимание русского крестьянства конца XIX - начала XX вв.

В советской историографии большое место занимали исследования так называемых религиозных пережитков среди крестьянского населения. В таком ключе, например, написана диссертация В. А. Зайцева «Преодоление религиозных пережитков (по материалам Архангельской области)»³⁷.

В 1980-е гг. советские этнографы стали заниматься описанием повседневного быта русского крестьянства в прошлом. Стоит упомянуть ставшие хрестоматийными работы М. М. Громыко³⁸, Т. Б. Бернштам³⁹. В 1980-е гг. выходит сборник статей «История и культура Архангельского Севера (Досоветский период)»⁴⁰. Сборник был написан вологодскими исследователями на местных, близких авторам материалах. М. В. Буторин в диссертации «Местная периодическая печать и её влияние на социально-экономическую жизнь

³⁵Тихоницкая Н. Н. Сельскохозяйственная толока у русских // Советская этнография. 1934. № 4. С. 73-90.

³⁶См.: Громыко М. М. Обычай помочей у русских крестьян в XIX веке (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций) // Советская этнография. 1981 № 4. С. 26-38; Громыко М. М. Обычай помочей у русских крестьян в XIX веке (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций) // Советская этнография. 1981 № 5. С. 32-46; Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70-80; Обсуждение статьи М.М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций» // Советская этнография. 1984. № 6. С. 51-64; Обсуждение статьи М.М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций» // Советская этнография. 1985. № 1. С. 70-79; Обсуждение статьи М.М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций» // Советская этнография. 1985. № 2. С. 64-71.

³⁷Зайцев В. А. Преодоление религиозных пережитков (по материалам Архангельской области): Дисс... канд. филос. наук. Л., 1974.

³⁸См.: Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Громыко М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII – XIX вв./ Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 7-24; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

³⁹Бернштам Т. Б. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – XX в.) / Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120-153.

⁴⁰История и культура Архангельского Севера (Досоветский период). Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1986.

Архангельского Севера в 1921-25 гг.»⁴¹ обращается к исследованию севернорусских газет.

Еще одно исследование русских крестьян – двухтомник «Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX – начала XX в.»⁴². Первый том сборника – это современное исследование общинного уклада крестьянской экономики. Второй том представляет собой сборник статей, опубликованных современниками исследуемого периода в разных изданиях.

Среди современных работ, посвящённых русскому крестьянству, стоит отметить монографию «Очерки русской народной культуры»⁴³, статьи М. М. Валенцовой «Понятие “чистый” в славянской культуре»⁴⁴, Т. А. Тихомировой «Традиционное отношение к чистоте в крестьянской среде»⁴⁵, К. Н. Денисевич «Охотничья и рыбацкая магия Каргополья»⁴⁶ и В. Е. Добровольской «Традиционные нормативы, связанные с народным календарём»⁴⁷.

Среди зарубежной историографии необходимо упомянуть сборник «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире»⁴⁸, который в конце 1980-х гг. стал одной из первых хрестоматий новой для западной науки отрасли научного знания – крестьяноведения. Также стоит выделить работу С. Л. Хока «Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии»⁴⁹ и статью С. Франка «Обычное право,

⁴¹ *Буторин М. В.* Местная периодическая печать и её влияние на социально-экономическую жизнь Архангельского Севера в 1921-25 гг.: Дисс... канд. ист. наук. Архангельск, 1998.

⁴² *Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX – начала XX в.* Сост., автор теоретического введения и редактор Ю. И. Семёнов. Т. 1. М., 2002; *Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX – начала XX в.* Сост. тома, справки об авторах, глоссария, библиографического указателя и редактор Ю. И. Семёнов. Т. 2. М., 2003.

⁴³ *Очерки русской народной культуры / Отв. ред. и сост. И. В. Власова.* М., 2009.

⁴⁴ *Валенцова М. М.* Понятие "чистый" в славянской культуре // *Живая старина.* 2001. № 3. С. 3-8

⁴⁵ *Тихомирова Т. А.* Традиционное отношение к чистоте в крестьянской среде// *Живая старина.* 2001. № 3. С. 8-11

⁴⁶ *Денисевич К. Н.* Охотничья и рыбацкая магия Каргополья// Там же. С. 48-50.

⁴⁷ *Добровольская В. Е.* Традиционные нормативы, связанные с народным календарём// *Традиционная культура.* Научный альманах. 2008. № 3 (31). С. 65-78.

⁴⁸ *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире.* Сост. Т. Шанин. М., 1992.

⁴⁹ *Хок С. Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.

община и культура у русских крестьян, 1870-1900 гг.»⁵⁰. В 1990 г. в Англии вышел сборник статей «Сельская и крестьянская община в России. Коллективные формы в имперский период и первые годы советской власти»⁵¹.

Среди современных западных исследований заслуживает внимания монография М. Паксон «Соловьёво: история памяти в русский деревне»⁵² и два исследования Д. Роджерса – монография «Старая вера и русская земля»⁵³ и статья «Самогон, деньги и политика ликвидности в сельской России»⁵⁴. Эти работы представляют собой комплексные исследования в отдельно взятом районе или даже деревне.

Важными, но несколько обособленными исследованиями являются работы о феномене странничества Т. Б. Щепанской – «Культура дороги на Русском Севере. Странники»⁵⁵, «Власть пришельца. Атрибуты странника в мужской магии русских (XIX – начало XX в.)»⁵⁶ и «Странные лидеры. О некоторых традициях социального управления у русских»⁵⁷.

Отдельно в диссертации исследовались особенности бытования народных примет. На рубеже XVIII–XIX вв. стал популярен жанр сборников примет. Среди них – «Словарь русских суеверий»⁵⁸ М. Д. Чулкова, «Месяцеслов. Суеверия. Приметы. Причуды. Стихии. Пословицы русского народа»⁵⁹ В. И. Даля и «Сборник примет, поверий, пословиц, поговорок и загадок»⁶⁰ Н. П. Булычёва.

⁵⁰ Frank S. P. Popular Justice, Community and Culture among the Russian Peasantry, 1870-1900 // The Russian Review. Vol. 46. 1987. Pp. 239-265.

⁵¹ Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. Edit. by R. Bartlett. London, 1990.

⁵² Paxson M. Solovyovo: The Story of Memory in a Russian Village. Indiana, 2005.

⁵³ Rogers D. The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals. Cornell, 2009.

⁵⁴ Rogers D. Moonshine, Monet, and Politics of Liquidity in Rural Russia // American Ethnologist. 2005. Vol. 32. No. 1. Pp. 63-81.

⁵⁵ Щепанская Т. Б. Культура дороги на Русском Севере. Странники / Русский Север: Ареалы и культурные традиции. Сб. статей. Сост. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. СПб, 1992. С. 102-126.

⁵⁶ Щепанская Т. Б. Власть пришельца. Атрибуты странника в мужской магии русских (XIX – начало XX в.) / Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. Сб. статей. Отв. ред. В. А. Попов. СПб, 1996. С. 72-101.

⁵⁷ Щепанская Т. Б. Странные лидеры. О некоторых традициях социального управления у русских / Этнические аспекты власти. Сб. статей. Отв. ред. В. В. Бочаров. СПб, 1995. С. 211-240.

⁵⁸ Чулков М. Д. Словарь русских суеверий. СПб., 1782.

⁵⁹ Даль В. И. Месяцеслов. Суеверия. Приметы. Причуды. Стихии. Пословицы русского народа. СПб., 1992.

⁶⁰ Булычёв Н. П. Сборник примет, поверий, пословиц, поговорок и загадок. Екатеринбург, 1876.

Начиная с исследований Вольного экономического общества, новым явлением стало изучение примет, условно говоря, с практической точки зрения, то есть исследование возможного применения народных наблюдений и примет в сельском хозяйстве. В таком ключе написаны работы К. Ф. Агринского «Народные приметы о погоде и их значения для практической метеорологии и сельского хозяйства»⁶¹, А. С. Ермолова «Народные приметы на урожай»⁶², «Программа для собирания народных, преимущественно инородческих, примет о погоде и влиянии её на сельское хозяйство» А. Смоленского⁶³ и современная публикация тверского исследователя Н. Ласточкина⁶⁴.

Итак, несмотря на большое количество работ, отсутствует единое понимание механизмов процессов трансформации, связанных с революцией 1917 г. и перестройкой, а также их результатов. В исследованиях соционорматики в большинстве случаев акцент был сделан на обычном праве в крестьянской общине, другие, не менее важные стороны социальных норм поведения, были обделены вниманием. В советской этнологической науке делались лишь отдельные попытки изучения соционорматики в севернорусской деревне, которые, как правило, приводили к единым выводам о традиционности коллективного образа жизни и ведения хозяйства. Лишь отдельные аспекты проблемы получили освещение в историографии, и тема диссертации еще не выступала предметом специального, всестороннего изучения.

Источниковая база исследования. Для решения поставленных задач была привлечена обширная источниковая база, включающая в себя собственные полевые материалы автора, свидетельства, заметки и сборники этногра-

⁶¹ Агринский К. Ф. Народные приметы о погоде и их значения для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов, 1899.

⁶² Ермолов А. С. Народные приметы на урожай. Спб., 1908.

⁶³ Смоленский А. Программа для собирания народных, преимущественно инородных, примет о погоде и влиянии её на сельское хозяйство // Известиях Московского Сельскохозяйственного института. 1903. С. 386-401.

⁶⁴ Ласточкин Н. Народная метеорология, или практический месяцеслов погоды Припоросья. Опыт местного народного календаря // Русская провинция. Тверь. 1995. № 4 С. 66-75.

фов и фольклористов, официальные документы, затрагивающие вопросы севернорусской деревни, материалы периодической печати.

Главным источником исследования стали **полевые материалы**, собранные с 2007 года. Работа проходила в Лешуконском и Холмогорском районах Архангельской области, Никольском и Вытегорском районах Вологодской области.

Самая длительная полевая работа проводилась в Лешуконском районе Архангельской области. Начиная с 2007 г. Севернорусская этнологическая экспедиция кафедры этнологии МГУ каждые 2-3 года, иногда несколько раз в год, работала в деревне Вожгора и соседних деревнях.

В деревне Вожгора удалось наладить довольно тесные отношения с жителями. Это позволило проводить глубинные интервью, беседовать в доверительном ключе. Часто с одним и тем же информантом я смогла побеседовать не один раз и в разных обстоятельствах. Разные условия беседы влияли на готовность информанта рассказать то, что в других обстоятельствах могло бы не упоминаться в наших беседах. Все интервью записывались на диктофон, отрывки из них со всеми речевыми и эмоциональными особенностями были приведены в диссертации. В качестве примеров я использовала наиболее яркие и интересные эпизоды, но они являются скорее правилом, нежели исключением из общего полевого материала. Все имена были скрыты по этическим соображениям, сохранены были пол, год рождения (с согласия моих собеседников) и место интервью.

Кроме того, члены экспедиции принимали участие в некоторых сельскохозяйственных работах, ходили с местными на охоту и рыбалку, помогали женщинам готовить перед застольем. Всё это позволило не только проводить доверительные интервью, но и наблюдать за жителями в разных ситуациях, следить за их работой, слушать разговоры односельчан в неформальной обстановке.

Помимо основного вожгорского материала привлекались сравнительные полевые материалы из других районов, что позволило посмотреть с ино-

го ракурса на проблемы, изучаемые в основном географическом локусе. Сравнительные региональные материалы позволили более чётко выделить общее и частное в основных вожгорских сюжетах.

Свидетельства этнографов и фольклористов представлены этнографическими заметками, воспоминаниями и дневниковыми записями, сделанными как учёными, так и этнографами-любителями.

В выпусках «Этнографического сборника, издаваемого Императорским Русским географическим обществом»⁶⁵ в 1853-1864 гг., «Материалах “Этнографического бюро” князя В. Н. Тенишева»⁶⁶, этнографических отчётах Л. Ухтомского⁶⁷ и А. Маркова⁶⁸ представлен богатый эмпирический материал по дореволюционной деревне.

Кроме того, необходимо выделить современные книги, посвящённые региону, авторы которых описывают свои личные воспоминания о пребывании на Русском Севере⁶⁹. Интересным современным источником стал справочник-путеводитель «Светлое Пинежье: путешествие по краю»⁷⁰. Эти книги представляют собой попытку самостоятельного краеведческого исследования севернорусского региона.

Официальные документы дореволюционного периода представлены сборником «Крестьянское право по решениям Правительствующего Сената»⁷¹. Сборник «Архангельская область в период восстановления народного хозяйства 1921-1925 гг.: Сборник документов»⁷² охватывает первые годы советской власти. Кроме того, я обратилась к материалам Российского государ-

⁶⁵Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. Вып. I-VI. Спб., 1853-1864.

⁶⁶Русские крестьяне... Т. 1. Костромская и Тверская губернии; Т.5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды; Т.5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды; Т.5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды; Т.5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2002-2007.

⁶⁷Ухтомский Л. Сюзьма. Этнографический очерк. СПб, 1876.

⁶⁸Марков А. В. Отчёт о поездке в губернии Пермскую и Архангельскую летом 1909 г. СПб, 1911.

⁶⁹См.: Ларин О. В ритме Пинеги. М., 1985; Аксенов В. С. Лешуконье далекое – близкое. Северодвинск, 2009.

⁷⁰Светлое Пинежье: путешествие по краю: справочник-путеводитель. М., Архангельск, Карпогоры, 2000.

⁷¹Крестьянское право по решениям Правительствующего Сената. Алфавитный указатель вопросов, разрешённых по Первому, Второму, Гражданскому и Уголовному Кассационным Департаментам и по Общему Собранию Правительствующего Сената за 1863-1912 гг. по крестьянским делам. Сост. Абрамович К. С.-П., 1912.

⁷²Архангельская область в период восстановления народного хозяйства 1921-1925 гг.: Сборник документов. Сост. Владимирова Л. В., Вольнская В. А., Климачёв В. И. и др. Отв. ред. Иванова К. С. Архангельск, 1980.

ственного архива социально-политической истории⁷³. Помимо официальных документов, писем и распоряжений начальства, стоит отметить интересный жанр писем колхозников.

Периодические издания в работе представлены столичной дореволюционной «Земледельческой газетой» (1846-1856), а также советскими региональными изданиями «Пинежская жизнь» (1920), «Красный Север» (1921-1922), «Волна» (1923), «Крестьянская жизнь» (1926), «Рабочее звено» (1922), которые издавались в первые годы советской власти, а также Лешуконской газетой «Звезда» (1938-1993).

Таким образом, для данного исследования были выбраны источники разного типа, что позволило взглянуть на проблему соционормативных отношений трёх культурно-исторических периодов (дореволюционной, советской и постсоветской России) с разных точек зрения. Это помогло дать наиболее полный и объективный ответ на поставленные перед исследованием вопросы об истоках многих проявлений социальных норм советской и современной деревни или, напротив, об их инновационности для данного региона.

В представленной диссертации была выдвинута **рабочая гипотеза** о разной подверженности соционормативных практик внешним изменениям при сохранении многих стабильных элементов.

Экономические отношения были наиболее подвержены влиянию социально-политической действительности. Революция 1917 г., кардинальная смена политической и экономической парадигм должны были, соответственно, в первую очередь отразиться на трудовых коллективах – основной модели экономических взаимоотношений в деревне. После развала СССР и перехода к рыночной экономике деревня, несколько позже города, тоже отреагировала на резкие изменения в стране, прежде всего отказавшись от принципа трудового коллективизма.

⁷³Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ).

Социальные отношения в большей степени подверглись советскому влиянию, нежели влиянию перестройки. В советское время начинается взаимная миграция из города в деревню и из деревни в город. Граница город – деревня должна была стереться. Кроме того, проводимая государством пропаганда дружбы между народами должна была смягчить различия между представителями разных национальностей. То есть и межэтнические границы в советской деревне стирались.

Духовная культура в работе представлена на примере народных примет. В советском обществе под влиянием антирелигиозной кампании первыми должны были исчезнуть те элементы, которые воспринимались как суеверия. Суеверные приметы поэтому видоизменялись и, возможно, стирались из памяти людей. В современной же России заметны тенденции к возрождению традиционных элементов культуры. Молодое поколение может стать активным участником такого возрождения. То есть в постперестроечной деревне должна была произойти ресакрализация примет.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ошибочно проводить резкую грань между тремя историческими периодами – дореволюционным, советским и современным – исключительно по 1917 и 1991 гг. Несомненно, российское общество в недавней истории пережило два кардинальных изменения – Великую русскую революцию и перестройку. Эти события не могли пройти бесследно. Однако в повседневной культуре стоит выделять не два историко-культурных разрыва, а множество мелких культурных скачков, которые и приводят к постепенному видоизменению социальных практик.
2. Не менее важной границей, чем 1917 и 1991 гг., в культурном развитии советского и российского общества является середина 1960-х, когда подверглись разрушению многие традиционно крестьянские практики на селе.

3. Соционормативные практики не являются законсервированными элементами социальной жизни. Они могут видоизменяться и адаптироваться под окружающую действительность, при этом сохраняя некий стабильный каркас, который можно проследить на протяжении длительного времени.
4. Разные элементы соционорматики в разной степени подвержены социально-политическим переменам в обществе. Экономические взаимоотношения быстрее видоизменяются и легче адаптируются к реалиям времени, в то время как элементы духовной культуры стабильнее. Вместе с тем, даже изменяясь, соционорматика в сфере экономики, взаимоотношений в социуме и духовной культуры сохраняет стабильные элементы, что говорит не о непрерывности традиции или её «пережиточности», а о её готовности отвечать на вызовы времени.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью и целесообразностью использования её результатов. Исследование может стать подспорьем для дальнейшего изучения социальных норм поведения на Русском Севере. Материалы работы могут быть использованы при составлении университетских курсов по этнологии и социальной антропологии.

Апробация работы. По материалам работы были сделаны научные выступления на российских и международных конференциях:

1. IX Конгресс этнографов и антропологов России, Петрозаводск, Россия, 4-8 июля 2011;
2. III Пименовские чтения, МГУ им. М.В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра этнологии, Россия, 9 декабря 2015;
3. Всероссийская общественно-научная историко-краеведческая конференция «XII Романовские чтения», Октябрьский, Архангельская область, Устьянский район, Россия, 21-22 июля 2017;
4. IV Пименовские чтения, Москва, Россия, 11 декабря 2017;

5. Позднесоветская деревня. Люди, структуры и объекты между «сельским» и «городским» образом жизни, Москва, Россия, 31 мая – 2 июня 2018.

По результатам этих выступлений была получена ответная реакция как со стороны научного сообщества, так и со стороны носителей культуры, что очень важно с точки зрения этики исследования. В частности, я несколько раз обсуждала свои идеи с теми людьми, которые рассказывали мне о советском периоде, и с теми, кто сейчас живет в исследуемых деревнях Лешуконского района. По теме диссертации также были опубликованы научные статьи.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во **введении** определяется проблематика, ставятся цели и задачи исследования, обосновывается его научная новизна, выдвигается рабочая гипотеза, дается характеристика литературы и источников.

Первая глава «Формы сельских трудовых коллективов и нормы поведения в них» посвящена соционорматике в трудовых коллективах севернорусской деревни в разные исторические периоды. В качестве основных вариантов трудовых коллективов были выбраны общественные работы и феномен соседских помочей. Трудовые практики в данном случае позволили рассмотреть экономическую сферу жизни деревни. В главе был поставлен вопрос о том, произошли ли в действительности коренные изменения в ходе трёх исторических периодов – дореволюционном, советском и современном.

Первый раздел посвящён формам организации труда в современной севернорусской деревне, которые были выделены в ходе полевых исследований автора. Во втором разделе на основе интервью и прочих архивных и опубликованных источников была предпринята попытка проследить советские корни современных соционормативных практик в трудовых коллективах. Третий раздел – это сравнение полевых данных с описаниями дореволюционных

трудовых коллективов, поскольку период конца XIX – начала XX вв. является наиболее изученным в этнографической науке. Такой подход позволил не искать «пережитки» и не сводить каждую последующую форму трудовых коллективов к предыдущей, а понять логику современных совместных работ и увидеть их глубинное, сущностное сходство с принципами организации коллективов начала XX века.

В ходе исследования был сделан необычный, на первый взгляд, вывод о достаточной стабильности элементов трудовой деятельности севернорусских жителей. Принципы организации совместных работ, формирования трудовых коллективов, взаимоотношения в них на протяжении почти полутора веков практически не изменились. Было показано, что ошибочно воспринимать до-революционную общину как автохтонный организм: государство и до революции 1917 г. активно участвовало в организации деревенских работ. Структура организации совместного трудового процесса оказалась очень стабильной. Одним из самых стабильных элементов стал обычай помочи. Похожая ситуация сложилась и с так называемым артельным способом производства. В колхозные времена классический его вариант в качестве добровольного объединения самих работников был на время вытеснен бригадами, формируемыми сверху, однако внутренние взаимоотношения в коллективе всё же были очень схожи с традиционными артелями. В современной деревне на Русском Севере можно наблюдать «классическую» модель артельного производства, к которому жители отчасти были вынуждены вернуться ввиду сложной экономической ситуации. При этом такое проявление прошлого в настоящем является не ностальгией, а частью системы, которая работает наилучшим образом для конкретных людей и которую они выбирают осознанно.

В современных политических и экономических условиях, которые многими воспринимаются исключительно как негативные и очень тяжёлые, формируется большое количество политических, социальных, экономических возможностей для переосмысления и самостоятельного активного применения разнообразных форм организации трудовых коллективов. В данном

контексте, при отсутствии активного вмешательства извне, как это было в колхозах и совхозах, артельный способ организации трудовых коллективов подтвердил свою стабильность. В современной деревне жители создали новую собственную систему трудовых взаимоотношений, которые помогают человеку чувствовать себя защищённым на фоне экономических трудностей постсоветского периода.

В главе делается вывод о существовании в сельской местности стабильных элементов в организации трудового процесса, которые практически в неизменном виде сохраняются на протяжении уже почти полутора веков.

Вторая глава «"Свои" – "чужие" в этике общения на Русском Севере» представляет собой исследование дихотомии «свои» – «чужие» в современных нормативных практиках на Русском Севере. Глава построена по тому же трёхчастному принципу, что и предыдущая. Первый раздел – исследование категории «чужаков» в современной севернорусской деревне. Во втором разделе проанализированы взаимоотношения между коренными жителями деревни и приезжими, коих в колхозных деревнях в советское время было множество. Третий раздел главы посвящён сравнению полевых данных с этнографическими материалами по дореволюционному сельскому социуму.

До сих пор в деревнях есть представление об общности происхождения односельчан. В ходе полевых исследований в разных деревнях Архангельской и Вологодской областей удалось зафиксировать названия таких «родов», существовавших в советские времена и появившихся относительно недавно. Принадлежность к тому или иному «роду» для современного жителя может быть дополнительным объяснением близости к определённому человеку, если он не просто односельчанин, но и «свой по роду».

В главе выделено несколько категорий «чужаков». Условно в работе выделено несколько зон «отчуждённости», которые, словно круги на воде, расходятся от человека (в данном случае от информанта). Ближний круг – это соседи из других деревень, с которыми всегда поддерживался контакт. Зачас-

тую в соседних деревнях всегда находятся родственники, поэтому и назвать «чужими» жителей этих деревень можно с большими оговорками.

Следующий круг – это приезжие люди, переселенцы или горожане. Для севернорусского сельского социума они – те самые представители «чужой» культуры. Отношению к приезжим было уделено особое внимание в работе. Начиная с советского периода такие люди уже быстрее могли ассимилироваться в деревне. В деревни приезжали специалисты – агрономы, учителя и прочие; высланные из городов на Север раскулаченные крестьяне и другие. Пожалуй, именно в советское время в севернорусских деревнях было особенно много приезжих разных категорий, и отношение к ним, как показало исследование, было разным. Деревня в таких условиях становилась более открытой для новых людей, они быстрее входили в социум, хотя многие так до конца и не считались «своими». Дореволюционная деревня, как показано в работе, была достаточно закрытым социумом. В этом случае степень оторванности крестьян от внешнего мира напрямую влияла на их отношение к «чужакам»: чем меньше жители контактировали с приезжими, особенно из города, тем больше проявлялась отчужденность с представителями другой культуры.

Представление об этнической принадлежности как принципе проведения границ между «своими» и «чужими» не нашло абсолютного подтверждения. Этничность может выступать лишь как вспомогательный материал для объяснения негативных или, напротив, позитивных черт «чужого». Формирование границ отчужденности между людьми может быть сопряжено с различиями в представлении о нормах поведения. Особенно настороженно поэтому местные жители относятся к тем приезжим, которые не пытаются влиться в социум, отрицают сложившиеся нормы поведения, а не к представителям других народов. В дореволюционной деревне ключевую роль играли конфессиональные различия, а не этнические. В советские годы религиозная принадлежность была исключена из социальной жизни населения страны. В

это время этническая принадлежность стала одним из способов отделения «своих» от «чужих».

В главе сделан вывод об ошибочности утверждения, что севернорусское население было и остаётся закрытым для пришлого населения. Напротив, полевые материалы и прочие этнографические источники показывают, что местные жители готовы принять представителей других регионов или этнических групп при условии соблюдения ими существующих социальных норм поведения, которые являются ключевыми для формирования сельского общества на Русском Севере.

Отдельно была подчеркнута особая роль внутренних «чужаков» в социуме. Категория «чужаков» не менее важна, чем осознание себя частью «своих», поскольку взаимодействие в рамках оппозиции предполагает определение своего контрагента как подобного себе или другому.

В главе сделан вывод о том, что севернорусская деревня действительно стала более открытой для приезжих; этому не в малой степени способствовала политика советского государства. Однако в деревенском социуме всегда оставалось деление на «своих» и «чужих». Ключевым для выделения этих категорий среди севернорусских жителей в прошлом и в современности является не только и не столько территориальная, религиозная и тем более этническая принадлежность, сколько готовность влиться в существующий социум, приняв его нормы поведения.

В третьей главе «Приметы и суеверия как способ регулирования соционормативного поведения» рассмотрены народные приметы как элемент духовной культуры и их роль в соционормативных практиках севернорусской деревни на протяжении XX века.

В главе выделено три раздела. Первый посвящён роли примет в современном сельском обществе, особенно в свете довольно распространённого представления о возрастающем интересе постсоветского социума к мистике. Второй раздел – это исследование примет в советском обществе, когда на государственном уровне проводилась активная пропагандистская работа по

борьбе с суевериями, в разряд которых попадали и многие приметы. Третий раздел главы посвящен изучению дореволюционных примет.

После революции в обществе начались культурные изменения. Активная пропаганда против религиозных и суеверных предрассудков, под категорию которых попадали и приметы, должна была привести если не к полному, то к частичному вытеснению народных примет из обихода. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть данный тезис, были выделены две возрастные категории (пенсионеры и люди среднего возраста), а также две социальные группы (представители так называемой сельской интеллигенции и люди без среднего специального или высшего образования).

Исследование показало, что нет кардинального разрыва между поколениями сельских жителей, проживших большую часть жизни в разных социально-политических системах. Лишь на время одни приметы с одобрения государства использовались чаще других. С изменением же политической ситуации, казалось, забытые в советское время суеверные поверья вновь стали играть не последнюю роль. Некоторый разрыв между поколениями происходит лишь в том случае, если дети колхозников получали образование и становились представителями другого социального слоя. В работе приводились примеры из интервью учителей, родители которых были колхозниками. В их случае ощутимо изменение в представлениях о приметах, при этом представители интеллигенции активнее пользуются как «научно доказанными», «вычитанными из газет» приметами, так и суеверными. Метеорологические и фенологические приметы у обеих возрастных групп и среди представителей всех социальных слоёв чаще воспринимаются вовсе не как приметы, а как объективное знание, которое испокон веку помогало сельскому населению наладить сельскохозяйственные и иные работы.

Отдельно в главе был поднят вопрос об особенностях фиксации примет дореволюционными исследователями, был сделан вывод о невозможности использования примет из дореволюционных сборников в качестве полноценного этнологического материала. Оценивать частоту использования примет в

дореволюционной деревне в полной мере не представляется возможным. Большинство примет зафиксированы в известных сборниках и представляют собой одно-два предложения самого предсказания. Более подробную информацию можно получить от корреспондентов Этнографического бюро В. Н. Тенишева. В них часто вскользь упоминалось не только поверье, но и особенность его бытования. Делать выводы о повсеместном использовании примет среди сельских жителей нельзя, однако факт упоминания примет (в том числе со слов информантов) говорит о том, что они существовали, причём в очень разнообразных вариантах.

В главе сделан вывод об особой роли народной духовной культуры в жизни сельских жителей, в осознании ими своего места в культурном и социальном пространстве в разные исторические периоды.

Заключение. В заключении подведены итоги работы и сформулированы основные выводы.

В ходе исследования стало очевидным, что выделение исторических периодов строго по 1917 и 1991 гг. для антропологии севернорусской деревни не подходит. Изменение соционормативных практик происходило постепенно и зачастую позже указанных рамок. Для сельской местности стоит выделить ещё один своеобразный рубеж, скачок. Речь идёт о 1960-х гг., в это время наиболее резко стал ощутим отказ от «традиционных» практик в севернорусской деревни.

Рабочая гипотеза подтвердилась лишь отчасти. Трудовые коллективы, как предполагалось, должны были быть наиболее подверженными идеям рационализации производства в советские годы, изменения в них должны были быть заметнее. Однако в соционормативных практиках трудовых коллективов можно найти и обратную закономерность: структура, способы организации и взаимодействия с государством оказались достаточно стабильными. Взаимоотношения в деревне должны были также претерпеть сильные изменения в советские годы, когда фактически стирались границы между городом и деревней, между представителями разных национальностей. В работе был

сделан вывод о том, что севернорусский социум действительно стал более открытым, однако категория «чужой» так и не исчезла, при этом критерием деления на «своих» и «чужих» стала готовность приезжего соблюдать местные социальные нормы. Наконец, выдвинутое в начале работы предположение о стабильности элементов духовной культуры и даже возможном своеобразном «возрождении» нашло наибольшее подтверждение. Нельзя говорить о полноценном возрождении «традиционных примет», они активно видоизменяются. Однако сам факт роста интереса к таким, казалось, несерьёзным элементам культуры среди самих жителей может говорить в пользу тезиса о стабильности этих элементов соционорматики.

Исследование трёх аспектов соционормативных практик показало, что все они имеют стабильные элементы. Однако это проявляется в разной степени. Соционормативные практики – это постоянно меняющийся аспект жизни общества. Они довольно быстро могут отвечать на требования времени, адаптируясь к существующим внешним обстоятельствам. Могут рождаться новые социальные нормы – со старыми названиями, но новыми смыслами. При этом социальные нормы имеют стабильные элементы, которые и позволяют им сохраняться и широко применяться в разные исторические периоды. Соционорматика не является жёстким набором правил поведения, она задаёт рамки, но они довольно широки. Само общество не навязывает социальные практики, это личный выбор каждого индивида, однако осознание своего «я» зачастую происходит именно через соотношение себя с конкретным социумом через следование его нормам или их отрицание.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, утвержденных решением Ученого Совета МГУ имени М.В. Ломоносова (по группе специальности 07.00.00 – исторические науки и археология):

1. Архипова М. Н. Приезжие на Русском Севере // Человеческий капитал. 2018. № 1. С. 20–36. (1,06 п.л.)
2. Архипова М. Н. Трансформация традиционной культуры в XX в. через призму использования примет // Клио. 2018. № 7. С. 144–153. Импакт-фактор в РИНЦ – 0,125. (1,05 п.л.)
3. Архипова М. Н. В поисках новых подходов к изучению измененных состояний сознания // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 218–222. Импакт-фактор в РИНЦ – 0,672. (0,21 п.л.)
4. Архипова М. Н. Государственный фактор в организации коллективных работ у сельского населения Русского Севера // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 2. С. 119–133. Импакт-фактор в РИНЦ – 0,093. (0,73 п.л.)
5. Архипова М. Н. Рецензия на: А. А. Никишенков, И. П. Перстнева, А. В. Титорский. Проблемы этнографического изучения русского крестьянства (соционормативная культура). Учебно-методическое пособие. М.: Новый хронограф, 2010. 161 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2012. № 4. С. 227–229. Импакт-фактор в РИНЦ – 0,170. (0,23 п.л.)
6. Архипова М. Н., Титорский А. В. Общинные традиции в хозяйстве (как пример бытования традиций в малой группе) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. Вып. 3. С. 104–115. Импакт-фактор в РИНЦ – 0,170. (0,99 п.л.)

В других изданиях:

1. Кочерженко (Архипова) М. Н., Тугорский А. В. Бытование календарных и метеорологических примет // Живая старина. 2011. №1. С. 44–47.
2. Кочерженко (Архипова) М. Н. Народные приметы как этнографический источник // Кафедре этнологии – 70 лет. Сборник научных статей. Отв. редактор А. А. Никишенков. М., 2009. С. 112–120.
3. Опарин Д. А., Илизарова В. В., Архипова М. Н. Религиозная жизнь Русского Севера: воззрения М.В. Ломоносова и современные полевые материалы // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвященных 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова / Под ред. Н. Л. Мехедов. М., 2011. С. 16–25.
4. Тугорский А.В., Опарин Д.А., Архипова М.Н., Гулавская В.В. Земляки М. В. Ломоносова вчера и сегодня // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвященных 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова / Под ред. Н. Л. Мехедов. М., 2011. С. 4–15.
5. Архипова М. Н. 2011 Динамика изменений форм трудового коллектива у русских крестьян XX века // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. Тезисы докладов. Петрозаводск, 2011. С. 325–325. Тезисы.
6. Архипова М. Н. Категория чужаков на Русском Севере // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН Москва, Ижевск, 2017. С. 341. Тезисы.